

Ч. Чэнь
C. Chen

РЕЦЕПЦИЯ ТВОРЧЕСТВА Н.В. ГОГОЛЯ КИТАЙСКИМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕМ: ПРОБЛЕМЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ

RECEPTION OF N.V. GOGOL'S WORK BY CHINESE LITERARY STUDIES: PROBLEMS OF PERIODIZATION

В статье рассматриваются различные этапы осмысления наследия Н.В. Гоголя китайским литературоведением. Установлено, что интерпретация наследия Гоголя китайскими исследователями детерминирована комплексом факторов, включая внутрилитературные, эстетические, социокультурные и политические, актуализирующих в произведениях писателя разные смысловые аспекты. Сделан вывод о том, что проблемы периодизации рецепции творчества Гоголя китайскими учеными связаны с динамикой политических изменений в стране, идеологическими установками и эволюцией академических подходов. Выделены существенные особенности и тенденции осмысления произведений классика русской литературы на протяжении XX–XXI вв.: на первом этапе (до 1930-х гг.) формируется редуцированный образ писателя, соответствующий задачам национального культурного проекта; в 1930–1940-е гг. обозначился переход от фрагментарного освоения Гоголя к системной переводческой практике, однако доминирование геополитического кризиса и зависимость от иностранных (преимущественно японских) источников ограничили развитие автохтонной исследовательской школы; в 1950–1970-е гг. при формальном расширении исследований их содержательная глубина ограничивалась рамками политической конъюнктуры; наконец, изучение Гоголя после 1980-х годов продемонстрировало переход от анализа одного текста к многомерным и кросс-культурным исследованиям. Китайские ученые не только углубили свое понимание творческой онтологии Гоголя, но и поместили ее в широкий контекст сравнительного изучения китайской и русской литературы, истории идей и культурной коммуникации, сформировав исследовательский путь, отражающий процессы национально-культурной идентификации китайской исследовательской мысли.

Ключевые слова: рецепция; русская литература; китайская литература; диалог, идеология.

This article examines various stages of comprehension of N.V. Gogol's legacy by Chinese literary studies. It is established that the interpretation of N.V. Gogol's heritage by Chinese researchers is determined by a complex of factors, including intra-literary, aesthetic, socio-cultural and political aspects, which actualize different semantic aspects in the writer's works. It is concluded that the problems of periodization of the reception of Gogol's works by Chinese scholars are connected with the dynamics of political changes in the country, ideological attitudes and the

evolution of academic approaches. The article identifies the essential features and trends in the comprehension of the works of the classic of Russian literature throughout the twentieth and twenty-first centuries: at the first stage (before the 1930s), a reduced image of the writer is formed, corresponding to the tasks of the national cultural project; in the 1930s-1940s, the transition from fragmentary assimilation of Gogol to systematic translation practice was marked, but the dominance of the geopolitical crisis and dependence on foreign (mainly Japanese) sources limited the development of the autochthonous research school; in the 1950s-1970s, the development of the autochthonous research school was restricted by the fostering of a new generation of Chinese scholars. Chinese scholars not only deepened their understanding of Gogol's creative ontology, but also placed it in the broad context of the comparative study of Chinese and Russian literature, the history of ideas, and cultural communication, forming a research path that reflects the processes of national-cultural identification of Chinese research thought.

Key words: reception; Russian literature; Chinese literature; dialog, ideology.

DOI: 10.24888/2079-2638-2025-65-2-93-98

Н.В. Гоголь оказал большое влияние на китайскую литературу. Китайские литературоведы начали обращать внимание на творчество Гоголя в начале XX века. Известный китайский философ, писатель и общественный деятель Лян Цичао был первым ученым, который познакомил китайских писателей и литературоведов с творчеством классика русской литературы.

Восприятие произведений Гоголя в Китае, его периодизация, формировалось под влиянием исторических, политических и культурных факторов. Первый период – до 1930-х годов. Инициирование научного интереса к творчеству русского писателя связано с фигурой Лу Синя, чьи работы заложили основу восприятия Гоголя через призму реализма. Первое упоминание Гоголя в китайском медиапространстве фиксируется в 1903 г. в статье Лян Цичао, посвященной русской литературе революционного периода [4, 235]. Однако систематизация различных аспектов восприятия наследия Гоголя началась с публикации Лу Синем эссе «Сила сатанинской поэзии» (1907), где автор, критикуя феодально-консервативные тенденции движения «Ян-У», противопоставил социальный критицизм Гоголя романтическим тенденциям Пушкина и Лермонтова: «Только Гоголь был известен тем, что изображал темноту общества и жизни, и имел интересы, отличные от двух других, поэтому ему здесь не место» [8, 1]. В 1921 году Гэн Цзичжи, китайский переводчик и литературовед, написал статью «Краткая биография Гоголя», которая появилась в журнале «Ежемесячный журнал рассказов» в особом разделе «Специальный выпуск о русской литературе». Эта статья знакомит китайских читателей с жизнью Гоголя и некоторыми его произведениями, а также подтверждает литературный статус Гоголя, который «отверг псевдоклассическую и романтическую литературу и основал литературу на реализме» [6, 17]. Кроме того, в статье впервые в Китае вводится, но без объяснения, гоголевское выражение «смех сквозь слезы». В 1926 году Вэй Су-юань, который вместе с Лу Синем был членом «Безымянного общества», перевел повесть Гоголя «Шинель» на китайский язык и в предисловии к этому переводу сравнил Гоголя с Пушкиным: «Если Пушкин – гордый сын судьбы, в короне из цветов из виноградных листьев, с улыбкой на лице светлой, отвечающий на все призывы мира, то Гоголь был бы в терновом венце и смеялся бы над всеми мерзостями мира со слезами душевной боли» [5, 121].

В Китае, ранние исследования творчества Гоголя были обусловлены тем, что реалистический тип творчества становился предметом идеологической трактовки. Доминирование запроса на социально-критическую литературу привело к селективному восприятию Гоголя. Романтические и мистические элементы его прозы игнорировались, как это демонстрирует сокращение финала повести «Шинель» в переводе Би Шумина: «На девятый день после его смерти бюро послало человека узнать, почему он долго не приходит,

а когда тот вернулся, сказал, что он умер, после чего его заменил другой чиновник, который, как мне кажется, не мог быть таким же, как он, потому что такие люди, как он, редко встречаются

мире» (他死后九天, 局所里派了一个底下人去看了看, 为何他长久不来, 回来回了一声他死了。以后他那个座位又换上了一位别的官员, 我想可不能再跟他一样, 因为他这样儿的人真是世上少有的。) .Китайский ученый Ван Чжигэн считает, что причина отказа от перевода всего произведения в том, что стиль написания Гоголя здесь претерпел некоторые изменения <...> то есть мир богов и призраков для удовлетворения фантазий автора вытеснен земным миром, и украинское психоделическое настроение не может не возникнуть вновь над городской жизнью Петербурга <...> китайцам нужны реализм, разоблачение и обвинение тьмы, а не сказка о реинкарнации с традиционным китайским колоритом. [4, 97]

Важным фактором, определившим исследовательскую рецепцию произведений классика русской литературы, является зависимость от советской парадигмы. Работы Чжэн Чжэньдуо «Краткая история русской литературы» и Цюй Цюбая «Русская литература до Октябрьской революции» реплицировали идеи П. Кропоткина, сводя анализ к четырем аспектам: реализм, психологизм, гуманизм, социальная утилитарность.

На литературоведческую трактовку художественных открытий Гоголя влиял и прагматизм переводческой практики. Ранние переводы (например, повести «Коляска», выполненный Гэн Цзичжи в 1920 году), отбирались по критерию лаконичности, а не художественной ценности. Даже «Ревизор» в переводе Хэ Цимин 1921 года адаптировался к театральной реформе, направленной на замену традиционного театра «новой драмой». Так, Фу Си-нянь писал: «Для того, чтобы китайцы могли осознать, что нужно делать, необходимо использовать силу театра. Поэтому мы должны свергнуть старый театр и создать новый». Но «в Китае пока нет самостоятельной новой литературы, поэтому я боюсь, что создавать новые пьесы нелегко. Лучше переводить иностранные пьесы и использовать их в нашем театре, потому что сценарий и идеи этих иностранных пьес очень хороши, и это сэкономит нам много времени, если делать это таким образом» [2, 89].

Итак, первый этап рецепции Гоголя в Китае отражает тенденцию к инструментализации литературы: акцент на реализме, заимствование советских методологических схем и утилитарный подход к переводам – формировали редуцированный образ писателя, соответствующий задачам национального культурного проекта.

Второй этап рецепции творчества Н.В. Гоголя в Китае охватывает 1930–1940-е годы. Он характеризуется интенсификацией переводческой деятельности, охватившей как зрелые, так и ранние произведения писателя. Ключевые переводческие достижения включают: второй сборник «Знаменитые русские произведения», переведенный Ли Бинчжи в 1934 году, представляющий собой специальное собрание гоголевских произведений («Вий», «Нос», «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», «Женитьба» и «Игроки»), «Собрание произведений Гоголя» Сяо Хуацина (вторая глава «Мертвых душ», «Записки сумасшедшего», «Портрет», «Коляска»), переводы Лу Синя (первые две части «Мертвых душ»), Мэн Шихуаня («Вечера на хуторе близ Диканьки», «Миргород») и Гэн Цзичжи («Ревизор» и другие драматические сочинения). Несмотря на расширение корпуса переведенных текстов, оригинальные исследования о Гоголе оставались единичными. Во времена японо-китайской войны (1937–1945) национальная интеллигенция предпочла посвятить себя делу национального спасения, поэтому ученые в Китае не обращались к исследованиям творчества Гоголя. Однако китайские ученые в этот период перевели множество зарубежных исследований по русской литературе. Например, Го Аньжень перевел «Лекции по истории русской литературы» П. Кропоткина, Лян Чжэнь – «Русскую литературу» англичанина Беллинга, Рен Цзюнь – «Русскую литературную мысль» Масао Ёнэкава из Японии и т.д.

В целом же, приоритет переводческой деятельности в Китае определялся рядом

внелитературных факторов. Во-первых, политикой «Открытых дверей» (1899) и японской экспансией, активизировавшие импорт иностранных идей, включая японские переводы русской классики. Как отмечает Е.М. Пинус, первым русским произведением, переведенным на японский язык, был роман Пушкина «Капитанская дочка», и первый китайский перевод произведения русской литературы тоже был сделан с японского языка [7, 316]. Во-вторых, актуализируется типологическая конвергенция: китайские и японские интеллектуалы видели в русской литературе модель социального протеста. Ся Чжицин подчеркивает эту общность восприятия: «Есть особая причина, по которой китайская и японская интеллигенция особенно ценит русские романы, ведь обе страны стремятся сбросить иго традиций, реформировать социальный статус и установить более рациональную систему. А поскольку социальные симпатии, нигилистический бунт против авторитетов и обычаев, рвение к поиску смысла жизни и непоколебимая уверенность в величии собственной родины (несмотря на периодический цинизм в отношении ее слабостей), показанные в русских романах, были актуальны для китайской и японской молодежи того времени, неудивительно, что они так восторженно отреагировали на них» [10, 255]. Среди научных работ этого периода можно назвать перевод Мэн Шихуаня труда В. Вересаева «Как работал Гоголь» (1937), получивший высокую оценку Ван Чжигэна. Последний отмечал, что Вересаев не только критик, но и ученый, способный раздвинуть границы и прийти к адекватному пониманию исследуемого явления [4, 99].

Таким образом, 1930–1940-е гг. обозначили переход от фрагментарного освоения Гоголя к системной переводческой практике, однако доминирование геополитического кризиса и зависимость от иностранных (преимущественно японских) источников ограничили развитие автохтонной исследовательской школы.

Третий этап рецепции творчества Н.В. Гоголя в Китае – 1950–1970-е годы. В нем различаются две хронологических фазы. Первая (1950-е гг.) – активизации публикаций, объяснимая отмечаемым в 1952 году 100-летием со дня смерти, а в 1959 году – 150-летним юбилеем писателя. Другой причиной было относительно спокойное в сравнении с 1930-ми и 1940-ми годами время, что не могло не способствовать новым научным размышлениям. Среди важных публикаций о Гоголе в Китае в этот период – перевод «Мертвых душ» Лу Синя, переизданный Народным издательством Китая в 1952 году, в котором вышел и перевод Мантао «Избранных сочинений В. Г. Белинского», включающий большое количество эссе о Гоголе и опубликованный издательством «Китайское время». В 1956 году была переведена и издана книга «Полное собрание сочинений Чернышевского». Вошедшие в нее «Очерки гоголевского периода русской литературы» пользовались большой популярностью среди китайских ученых. В Китае того времени В.Г. Белинский и Н.Г. Чернышевский были авторитетными для китайской интеллигенции иностранными литературными критиками, и появление переводов их работ усилило внимание китайских ученых к наследию Гоголя, его месту в истории русской и мировой литературы. Однако основная причина популярности Гоголя в Китае в этот период все же была связана с социально-утилитарным осмыслением иностранной литературы. Известный китайский ученый Цао Цзинхуа в своей работе отметил, что горькие сатирические произведения Гоголя, наполненные социальным содержанием, были использованы как мощное оружие для нанесения смертельного удара по монархической диктатуре и крепостничеству в освободительной борьбе русского народа. Ученый пишет, что в то время, когда вся страна откликается на призыв мудрого председателя Мао вести активную борьбу против коррупции и преступных посягательств буржуазии, борьбу против козней империалистов, направленных на разжигание новой войны, произведения Гоголя, особенно «Ревизор» и «Мертвые души», могут быть нам очень полезны [1, 6]. В концепции китайских ученых этого периода Гоголь был символом действенной роли литературы в борьбе с общественными пороками, тормозящими строительство социализма.

1960–1970-е гг. – этап идеологической трансформации, связанный с культурной политикой маоистского периода, в котором доминировало политическое движение –

«культурная революция». Его популярность привела к изменению отношения китайцев к сатире. Еще в «Речи на Яньаньском литературно-художественном симпозиуме» Мао Цзэдун сказал: «Разве мы отменяем сатиру? Нет, сатира всегда нужна, но есть несколько видов сатиры: против врага, против союзников и против своих собственных рядов, с разным отношением; мы не против сатиры вообще, но огульное использование сатиры должно быть отменено» [9]. Китайский ученый Чэнь Байчэнь в своей статье отмечает: «Сатира, в определенном смысле, является оружием борьбы угнетенных. Только в 1935 году, когда реакционеры из Гоминьдана не допускали антияпонского сопротивления и только лестили японцам, можно было выпустить сатирическую "Сай Цзиньхуа". Сегодня китайский народ, поднявшийся на борьбу с помещиками, бюрократами и торговцами, которые когда-то угнетали нас, нуждается ли он еще в сатире гоголевского "Ревизора"?» [11, 76]. Чэнь Байчэнь был очень представительным китайским ученым того времени, и его идеи совпадали с идеями большинства литературоведов того времени. После окончания «культурной революции», в конце 1970-х годов, появились статья Тонг Даомин «О смехе – краткое обсуждение художественного мнения Гоголя», изданная в газете «Свет» 1 мая 1978 года, и статья Ли Чэньминя «Улыбка со слезами» (о гоголевской «Шинели»), появившаяся в газете «Юхуа» в 1979 году.

Итак, в 1950–1970-е гг. демонстрируют парадокс: при формальном расширении исследований их содержательная глубина ограничивалась рамками политической конъюнктуры. Гоголь был институционализирован как символ «литературы борьбы», что отражает тенденцию к инструментализации классики в условиях идеологизации гуманитарного знания.

Современный этап рецепции творчества Гоголя в Китае начался в 1980-е годы. Он характеризуется институционализацией гоголеведения как самостоятельного научного направления. Отправной точкой стала публикация «Избранных произведений Гоголя» (1983, Народное издательство) в переводе Мэн Тао, тираж этого издания превысил 100 тыс. экземпляров, что способствовало массовой популяризации автора. Интеграция фрагментов «Мертвых душ» (образ Плюшкина) в школьные учебники подтверждает канонизацию Гоголя в китайском культурном пространстве. На этом этапе происходит эволюция исследовательских парадигм. Во-первых, расширяется методология исследования. Преодолев доминирование социо-утилитарного подхода, китайские исследователи обратились к анализу эстетики и поэтики Гоголя. Работа У Юаньма «Исследование мира гоголевского искусства» (1987) систематизировала принципы «гротескного реализма», выявив синтез комического и трагического в его прозе. Во-вторых, традиционная трактовка Гоголя как представителя критического реализма была пересмотрена. Акцентируется противоречивость поздних произведений писателя, например, «Выбранных мест из переписки с друзьями», «Размышления о Божественной Литургии», не вписывающихся в реалистическую парадигму. В 2003 году Лю Хунбо опубликовал статью «От религиозного комплекса к религиозно-нравственному исследованию» – беглое обсуждение творчества Гоголя в контексте религиозной морали. Автор сместил фокус с социальной сатиры на экзистенциальные и духовные аспекты творческого наследия писателя. На этом этапе появилось большое количество межкультурных и компаративных исследований, к примеру, «Дневник сумасшедшего» Лу Синя и одноименная повесть Гоголя (установление сходств и различий в этих произведениях продолжается), многочисленные сопоставления произведений русского классика и Лао Шэ (гоголевские сатирические приемы в «Чайном домике»), и Шэдинга («гоголевский смех» в романах писателя), «Гоголь и современная китайская литература». Появляется большое количество инфраструктур академического диалога, например, таких, как проведение международных конференций. Одно из таких мероприятий было организовано Пекинским университетом иностранных языков в 2019 году и называлось «Гоголь и китайско-российский литературный диалог». Что касается создания сетевых ресурсов, то Китайская сеть знаний (CNKI) включает около 1000 работ, связанных с Гоголем, а некоторые университетские библиотеки создали базы данных по

гоголеведению, что способствовало обмену ресурсами по этой отрасли науки.

Итак, изучение Гоголя в Китае после 1980-х годов продемонстрировало переход от анализа одного текста к многомерным и кросс-культурным исследованиям. Китайские ученые не только углубили свое понимание творческой онтологии Гоголя, но и поместили ее в широкий контекст сравнительного изучения китайской и русской литературы, истории идей и культурной коммуникации, сформировав исследовательский путь, отражающий процессы национально-культурной идентификации китайской исследовательской мысли.

1. *Дань столетию Гоголя* // *Жэньминь жибао*. 3 марта 1952. С. 6.
2. *Театральное совершенствование во всех его аспектах* // *Синь цинянь*. Т. 5, № 4, октябрь 1918. С. 89.
3. Ван Цзечжи. Долгое эхо: русские писатели и китайская культура. 2002. С. 235
4. Ван Чжигэн. Восемьдесят лет Гоголя в Китае // *Исследования в области зарубежной литературы*. С. 97–101.
5. Вэй Су-юань. Перевод «Шинель». 1926. С. 121.
6. Гэн Цзичжи. Краткая биография Гоголя // *Ежемесячный журнал рассказов*. 1921. С. 35.
7. Пинус Е.М. Гоголь и русская классическая литература в Японии, 1954. С. 316.
8. Лу Синь. *Сила сатанинской поэзии*. 1907. С. 1.
9. Мао Цзэдун. *Выступление на Яньаньском литературно-художественном симпозиуме* (毛泽东: 在延安文艺座谈会上的讲话(5)) URL: http://www.71.cn/2012/0428/666546_5.shtml (дата обращения: 23.03.2025).
10. Ся Чжицин. *Литературная революция*. 1974. С. 255.
11. Чэнь Байчэнь. *Комедийные заметки* // *Драма*. 1962.